

Файзулла-Ходжаев

О младо-бухарцах

Уже со времени русско-японской войны стало заметно оживление в некоторых наиболее развитых и образованных кругах мусульманского населения Бухары и Туркестана.

Однако эти отдельные прогрессивные элементы, недовольные средневековым деспотизмом эмиров и той ужасной беспросветной культурно-политической обстановкой, какая имела место в Бухаре, не имели никакого твердого организационно-партийного оформления и, в значительной мере, представляли из себя не политическую партию, а просто кучку фрондирующих затронутых европейской культурой мелких буржуа. Все же именно эта кучка явилась тем зародышем, из которого развилось впоследствии сильное национально-прогрессивное движение, известное под именем джадитизма.

Джадитское движение приобрело организованный и мощный характер только с 1910 года, когда под влиянием итало-турецкой войны, турецкой и персидской революций весь мусульманский восток был охвачен ярким национально-революционным возбуждением.

Каковы же были цели, состав и средства джадитской, впоследствии младо-бухарской, организации?

В какой обстановке приходилось ей действовать? Вот с этой-то обстановки, с тех экономических, культурных и политических предпосылок, на фоне которых и благодаря которым развился джадитизм, мы и начнем свое изложение.

Эта работа, конечно, не ученое исследование, мы не претендуем на исчерпывающий анализ эмирской Бухары, но набросать хотя бы легкий силуэт классовых взаимоотношений и противоречий, нам кажется, совершенно необходимо, ибо вне взаимодействия этих классовых сил, вне классовой борьбы, как она разворачивалась в дореволюционной Бухаре, непонятным и случайным явится само джадитское движение.

В XX веке Бухара представляла из себя, даже при сопоставлении с отставшей политически и хозяйственно от Запада на десятки лет царской Россией, странный и уродливый анахронизм.

Географическое положение в самой глубине Средней Азии, вдали от столбовых дорог современной культуры, но в самом центре мировых путей древности, забитое, безграмотное население и в то же время на каждом шагу следы высокой арабско-персидской культуры, ставшей для нашего времени тоже, конечно, анахронизмом, тяжкий деспотизм эмира и весь строй древней деспотии, искусственно консервируемый и охраняемый из политических видов русскими штыками,—такова была эмирская Бухара.

Никакого законодательного органа, кроме воли эмира, никаких законов, кроме религиозных законов шариата, никаких гарантий личной и имущественной неприкосновенности не было у населения Бухары.

В каждый данный момент любой подданный мог быть схвачен по приказанию эмира и имущество его конфисковано. Никаких выборных

органов не знала Бухара. Управление осуществлялось неконтролируемым населением чиновниками, директивы которым давались в тиши дворцовых канцелярий. Естественно, при такой системе пышным цветом расцветали взяточничество и произвол. Население, с которого эмирские чиновники собирали тяжелые налоги, лишено было даже утешительного права знать, куда идут собранные с него деньги.

Бюджет и его опубликование не принадлежали к числу эмирских добродетелей. Управление огромной страной велось как управление домашним хозяйством эмира. Оно именно так и было: эмиры и рассматривали Бухару, как свою вотчину, как свое домашнее имущество. Все это совершенно обычно для ранних феодальных эпох, так это было и в европейском средневековьи, когда государственно-правовая и частно-правовая области еще не разграничивались ни в сознании управляемых, ни в сознании правителей.

В кишлаках господствовало полунатуральное хозяйство, местами (Восточная Бухара) носившее даже чисто натуральный характер. Все же было бы грубой, хотя и часто встречающейся, ошибкой считать хозяйство Бухары в целом натуральным.

Под влиянием растущих экономических связей с Россией все большую и большую роль в хозяйстве Бухары стали играть так называемые технические культуры, главным образом, хлопок, что, конечно, несовместимо с натуральным хозяйством и указывает на ярко выраженную товарность декханского хозяйства.

Вот на этой-то растущей товарности мы должны остановиться подробнее.

Русский капитализм, занявшись вплотную Средней Азией, покрыв ее целой сетью своих банков, торговых контор, скупая усиленно декханское сырье и поставляя в Среднюю Азию свою мануфактуру и другие фабрикаты, этот русский капитализм в своем поступательном шествии вносил глубокие изменения в экономику и, следовательно, и социальную структуру Туркестана и Бухары.

Европейская капиталистическая цивилизация со всеми сопутствующими ей отрицательными и положительными явлениями, как-то: товаризацией декханского хозяйства, растущим расслоением декханства, выделением на обоих его полюсах бедноты и кулачества, ростом торгового капитала и разложением старых феодальных и родовых связей и т. д., совершенно преобразила за последние десятилетия лицо Туркестана.

В Бухаре существовали те же явления, то же внедрение русского капитализма в патриархальную, средневековую жизнь, но там они были гораздо слабее.

Основным тормозом для капиталистического развития служили эмирская власть и все вытекающие из существования этой власти следствия.

Отсутствие правовых гарантий не давало местному капитализму возможности нормально развиваться; старые, докапиталистические порядки, с «кормлением» чиновников, со ставкой на родовых феодальных вождей на окраинах и на духовенство по всей стране, усиленно поддерживаемые эмирским правительством, также являлись солидным препятствием на пути европеизации Бухары.

Я уже сказал, что старая арабско-персидская культура свила себе прочное гнездо в Бухаре.

Бесчисленное количество школ-медресе, философы, писатели и отдельные выдающиеся ученые превратили Бухару в светоч арабско-персидской культуры.

Духовное влияние Бухары во всей Средней Азии, вообще среди всех мусульман суннитского толка, огромно.

Бухарские эмиры считались вторыми после турецких халифов государствами в мусульманском мире.

Десятки тысяч мусульман Туркестана и России до самой революции учились в духовных школах Бухары.

Вот это особое положение Бухары, как духовного центра ислама в Средней Азии, делает всякие реформы в ней одновременно и очень важными и очень трудными.

Старая духовная культура и верные ее служители муллы — духовенство — в течение сотен лет создали великолепно сколоченный аппарат уловления душ и руководства ими. Эмир бухарский был окружен могущественнейшей теократией.

Духовенство Бухары обращает на себя внимание, прежде всего, своею численностью: 3% всего населения Бухары — духовные лица.

Это — вышколенная, грамотная (а грамотность большое преимущество в безграмотной стране) армия, хорошо организованная, дисциплинированная и обладающая, кроме того, большими материальными ресурсами, так называемыми вакуфными землями, пожертвованными в пользу медресе, доходами которых распоряжается духовенство.

Духовенство являлось также основным кадром поставщиков чиновничества. В руках мулл находился суд: каждый мулла маленькой мечети был одновременно казием, из духовенства же состоял политический центр из 12 муфтиев и одного главного казия.

Единение этих двух сил: эмира и духовенства образовывало нерушимую, казалось, силу бухарского правительства, сановную верхушку Бухары.

Эта сановная верхушка монополизировала в своих руках все дело управления, суда и образования.

Давать населению возможность светского образования, это значило — готовить своих противников, вбивать клин в единую и окостенелую систему средневековой традиции, на основании которой управлялась Бухара, и, конечно, правительство на это не шло. Всемерно поощряя старометодные школы, медресе, духовное образование, заключающееся в изучении священных книг и поэтов, правительство Бухары, как огня, боялось европейских методов образования. Оно инстинктивно чувствовало, что арифметика и естествознание — верные слуги надвигающейся капиталистической цивилизации — уничтожат живой анахронизм — эмирскую Бухару. С другой стороны, идеологи демократии и торгового капитала, джадиты, выставляли первоначально на своем знамени именно требование новометодных школ, европейского образования и хотя бы ограниченной свободы печати. Они правильно полагали, что лишь при наличии этих необходимых культурных предпосылок возможна освободительная борьба.

Из каких классов состояло население Бухары? Какова была социальная и политическая физиономия отдельных групп бухарского населения?

Начнем с верхнего конца социальной пирамиды.

Наверху были высшие сановники и духовенство. Как уже указывалось, они были тесно связаны между собою, настолько тесно, что одни и те же лица занимали и высшие светские и высшие духовные должности, например, Главный Казий. В их руках в результате систематического грабежа народных масс скопилось значительное богатство, что позволяло этой группе населения выступать в качестве представителей ростовщического капитала. Ссуды сановников торговцам, финансирование ими торговли, которая, таким образом, становилась зависимой от займодавцев, были обычным явлением.

Чиновничество, духовенство, финансовая аристократия не были дифференцированы и представляли из себя, как это обычно бывает в ранние

эпохи торгового капитализма, одну сплоченную компанию, золоченую верхушку эмирской Бухары.

Конечно, на какое бы то ни было развитие прогрессивных идей среди этой части населения трудно было рассчитывать. Она была, безусловно, предана эмиру и являлась самым надежным оплотом всяческого мракобесия.

Дальше идет слой бухарского купечества. Многие европейцы считают, что именно бухарское купечество служило главной опорой и резервуаром младо-бухарского движения.

Это совершенно неверно.

Дело в том, что крупного независимого купечества в Бухаре имелись единицы, вся же остальная масса состояла из посредников и маклеров русских торговых фирм и банков. Они служили приводными ремнями, проводниками русской капиталистической эксплуатации. Роль их сводилась к услужению русскому капитализму. Это была не самостоятельная торговая деятельность, а зависимая работа на хозяина.

Все они находились в постоянном и тягостном долгу у банков. Общее вознаграждение банков за предоставляемый ими местному купечеству капитал, амбар, страховые и прочее достигало до 20%, так что львиная доля уходила из рук национального купечества в руки русских капиталистов.

Зависимость бухарского купечества от русского капитала увеличивалась еще его финансовой неустойчивостью, слабой платежеспособностью, вызываемой и поощряемой действовавшими тогда законами о долгах.

Не было почти ни одного бухарского купца, который не банкротился бы. А такие банкротства тяжело отражались на всем местном купечестве, так как взыскания, распространенные на имущество банкрота, в первую очередь удовлетворяли иски банков, и только остатки шли на удовлетворение купечества.

Купеческая масса была в значительной своей части аморфно-реакционной.

Она очень мало отличалась от прочего населения. Так же была темна и малограмотна, а финансовая зависимость от русского капитала и собственной ростовщическо-чиновной верхушки связывала эту массу с существовавшим строем, делала из нее верных холопов эмирата. Падкость купечества на медали и халаты только увеличивала эту зависимость.

Очевидно, не здесь, не в этой текучей и неустойчивой торговой толпе должны мы искать истоки джадитизма.

Конечно, джадитизм выражал интересы торгового капитала и демократии, но непосредственно он строился не руками торгового класса.

Следующим за торговцами по экономической мощности классом являлись в Бухаре сельские кулаки.

Гораздо более независимы и самостоятельны, строя свое благосостояние в значительной мере на натуральном хозяйстве, они сравнительно слабо подвержены сторонним влияниям и обладают, благодаря своим родовым связям и экономической силе, значительным авторитетом среди окружающего декханства.

Именно они вместе с духовенством являлись наиболее опасными и упорными врагами революции, наиболее верными защитниками старого порядка.

Почему? Сейчас скажем.

Их земельные владения не очень значительны — 20—30 десятин в среднем, так что помещиками назвать их трудно, но они все же не простые кулаки в нашем современном смысле слова, т.-е. не просто богатые крестьяне.

Дело в том, что их земли—самые лучшие по качеству, так называемые Танхо и Амляка. Это пожалованные эмиром земли, своего рода восточные бенефиции, с какими хорошо была знакома средневековая Европа.

Глава государства дарит такие земли своим чиновникам за службу, но фактически они службу не несут, а живут у себя на своих земельных участках, как настоящие маленькие феодалы. Сами они землю не возделывают; за них ее возделывают чайрикеры, которые берут за свою работу $\frac{1}{4}$ урожая. Особенно много таких «кулаков» в Восточной Бухаре; там они владеют участками до 100 десятин.

С этих земель 40% урожая, обычно идущие в пользу государству, передаются в пользование чиновнику, которому эти земли подарены; эта уступка государственных 40% и называется «Танхо».

Эмиры знали, что делали. Они через эти подарки создавали на окраинах из вождей племен и родов верных вассалов и через них управляли беспокойным населением окраин.

Их влияние среди населения было так велико, что нам уже после революции неоднократно пришлось использовать этот аппарат родовой патриархальной власти, обращаться за помощью к влиятельным вождям родов и племен.

Дальше шла основная масса мелких товаропроизводителей—декханства. Именно декханство выносило на своей спине роскошь и разврат эмирского двора и духовенства, именно оно своим тяжким трудом создавало местные капиталы и прибыли русских капиталистов, именно за счет декханства, за счет взяток и поборов с него существовало многочисленное жадное чиновничество.

Однако, несмотря на все свое бесправие, несмотря на все падающие на него экономические тяготы,—декханство в целом не было революционно.

Оно было слишком темно, забито и безграмотно, слишком явно находилось в цепких лапах духовных лиц, чтобы создать или поддерживать какую бы то ни было революционную организацию. Конечно, с другой стороны, нельзя считать декханство и оплотом реакции.

Это—нейтральная и пассивная масса.

Пролетариата, в точном смысле этого слова, т.-е. фабрично-заводских рабочих, в Бухаре почти не было.

Политика русского царского правительства всячески препятствовала созданию в колониальных окраинах местной национальной промышленности. Окраины должны были быть резервуаром сырья для центра,—не больше.

Несколько хлопкоочистительных заводов, конечно, не могли создать в Бухаре пролетариата.

Это отсутствие местного национального пролетариата отражалось крайне невыгодно на революционном движении: оно ослабляло и извращало это движение.

Не чувствуя за собой железной пролетарской когорты, бухарские революционеры, которые, как мы видели, не имели надежной опоры и в других слоях населения, естественно, должны были действовать осторожно.

Кроме того, отсутствие пролетариата и необходимость искать других союзников, хотя бы в лице торгового класса, выпячивали вперед националистические лозунги движения и сознательно или бессознательно затушевывали социальные противоречия.

Все же полу-пролетарские элементы в Бухаре имелись; это были возчики, водоносы, сапожники, мастеровые и вообще кустари разных специальностей,—все вместе насчитывали до 10.000 человек. Эти люди, не связанные общими экономическими интересами с господствующими кругами, сановниками эмира и духовенством, но выносящие на своей шкуре

тяжелые налоги и эмирский деспотизм, достаточно развитые и подвижные, благодаря городской жизни, могли бы служить хорошим революционным материалом, будь у них какой-либо организационный руководящий центр. Но такого центра, к сожалению, не было, хотя попытки организации этих полу-пролетарских элементов со стороны младо-бухарцев делались; назовем хотя бы попытку Ата-Ходжаева, который в 1914 году деятельно работал среди ремесленников.

Есть еще одна группа населения, которая могла бы явиться действенным революционным фактором; это — сельские рабочие и безземельные декханы.

Сельских рабочих имелось в Бухаре всего несколько тысяч. Поставляли их преимущественно Восточная Бухара, район Гарм и Куляб, еще Чарджуй (туркмен) и Каракуль (узбеков).

Тысяч двадцать декхан, обрабатывающих за часть урожая земли беков, эмира и вакуфные, тоже не являлись сколько-нибудь значительной классовой силой.

Неорганизованность, темнота и забитость тех и других — и сельскохозяйственных рабочих и «половинщиков», — а также их распыленность сбрасывали эти две группы со счетов социальной борьбы.

Как мы только что видели, в Бухаре не было ни одного класса населения, на который уверенно могла бы опереться революционная партия.

Кто же все-таки были джадиты? Из кого состояла младо-бухарская партия?

В основном младо-бухарская партия была партия городская: в деревне почти не было элементов, которые могли бы ее поддержать. Из городского населения наиболее прогрессивно была настроена его служилая часть (конечно, это не относится к служилым верхам — сановникам).

Большинство младо-бухарцев принадлежало к материально среднему и плохо обеспеченной городской наиболее просвещенной мелкой буржуазии: студенты духовных школ, мелкие лавочники, мелкие чиновники; были и крупные купцы, но, во-первых, их было мало, они составляли исключение, а во-вторых, они не столько сами работали в партии, сколько поддерживали ее материально; назовем хотя бы Мансурова и Якубова. Были даже крупные духовные лица, например, Мулла Икрам, но в целом партия была партией городского «середняка».

Приведу здесь имена и социальное положение некоторых первых ее организаторов. Вот несколько из них: Аини Садрутдин — студент духовной школы, декханин, Абдул Вахит Бурханов — писарь, впоследствии мелкий чиновник канцелярии, Фитрат — студент, поэт, сын небольшого городского торговца, и Усман Ходжаев — сын муллы и средней руки торговца и пр.

Социальных низов первое время в партии почти не было. Потом, после февральской и особенно после Октябрьской Революции дело изменилось: партия значительно расширилась за счет декхан и солдат.

Об агитации в армии поговорим после, пока же, выяснив состав партии в дореволюционное время, постараемся вкратце наметить ее требования, ее платформу (настоящей программы не было) и ее тактику, чтобы иметь перед собою ясный облик джадитской партии, какой она сложилась в предвоенные и военные годы.

Этому средне-городскому наиболее культурному составу вполне соответствовали и платформа и тактика младо-бухарской (джадитской) партии.

Основными требованиями и задачами джадитов были: борьба с религиозным фанатизмом путем распространения новейшей религиозно-светской литературы турко-татарского издания, введения светских новометодных

европейского образца школ, взамен старых, чисто религиозных, схоластических, и общая перемена всей средневековой схоластической системы народного образования на светскую, отвечающую требованиям современности, ослабление цензурного гнета, хотя бы частичная свобода печати, — это в области идеологии; в области же экономики и администрации — джадиты требовали снижения налогов, а главное, их упорядочения и точной фиксации, изгнания из этой области произвола беков, которые разными путями доводили налоговое обложение до 50% выработки декханина, что приводило к полному народному обнищанию.

В области законодательной — введения хотя бы каких-нибудь правовых гарантий, необходимых для правильного функционирования современной, уже попавшей в зависимость от капиталистической цивилизации народно-хозяйственной жизни Бухары.

Венцом всех джадитских требований, сладкой мечтой джадитизма, его программой-максимум было введение в Бухаре конституции по младотурецкому образцу.

Таким образом, мы видим, что пропаганда джадитизма черпала свои требования из программ более передовых стран по западным образцам.

Уничтожить средневековую деспотию, заменив ее буржуазно-демократическим строем, — таков был идеал бухарских прогрессистов.

Здесь мы присутствуем при очень частом в истории революции явлении, когда учащаяся молодежь и чиновничество являются застрельщиком и проводником революционных идей еще спящей буржуазии.

Тактика джадитизма вполне логично и в соответствии с обстановкой сводилась в дореволюционное время в значительной степени к культурничеству. Для революционного действия и прямой агитации в массах не было тогда объективных данных.

Однако даже легальная проповедь джадитов наталкивалась на преследование со стороны эмиров и жестокое сопротивление темной фанатичной массы, всецело находящейся под влиянием духовенства. В виду этого уже с 1915 года джадитам пришлось перейти на полулегальное положение, и, как часто бывает, полулегальные кружки стали работать еще активнее легальных.

Таких пропагандистских тайных организаций насчитывалось в Бухаре во время мировой войны до 10; самыми сильными и активными были: Бухарская, Керкинская и Шаршаузская.

Литературная пропаганда за эти годы значительно усилилась. Очень сильно помогли делу джадитизма записанные с 1909 — 15 г. произведения революционного поэта Фитрата в прозе и стихах, как-то, «Саиха», «Мулла-Франги», «Саиях-Хинды», «Рахбари-Нэжот», «Аила» и несколько пьес, например: «Беки Чан», а также издававшаяся в 1912 и 1913 годах газета «Туран-Бухара и Шариф».

Основной работой джадитов являлась в это время организация новометодных школ, подробное описание которых мы находим у Аини.

Однако Аини совершенно умалчивает о значении этих школ в деле подготовки политической борьбы с эмиром, в деле организации антиправительственных оппозиционных элементов и прямой агитации втянутых в работу школ родителей. Это, возможно, происходит оттого, что Аини принадлежал к группе старых джадитов, не сочувствовавшей активной борьбе с эмиратом и сводившей тактику партии исключительно к культурничеству.

Я лично весьма хорошо помню, как в школах Усман Ходжаева неоднократно собирались наши товарищи, собирали родителей, детей и начинали под тем или иным соусом, сначала весьма робко, а затем открыто агитацию против эмира лично и его правительства. Главными аргументами

конечно, являлись порабощение Бухары царской Россией, отсталость, некультурность, невежество духовенства, разврат и роскошь эмирского двора, произвол властей, тяжесть налогового бремени и многое другое.

Когда в 1913 году и в начале 1914 года эмир закрыл новометодные школы, Фитрат, Ата-Ходжаев и многие другие покинули Бухару и в весьма короткое время сумели организовать сеть таких же школ по разным городам. Население встречало их с большим сочувствием. Несмотря на приказания эмирского правительства, местные власти не могли закрыть новометодные школы в таких городах, как Керки и Шахризйабс, так велика была поддержка этих школ со стороны населения. Вокруг них об'единялось все, что было живого в эмирской Бухаре. Они служили той кузницей, в которой выковывались будущие работники революции. Возьмем хотя бы керкинскую группу, давшую нам теперь таких хороших, умных и деятельных работников, — разве она не создавалась вокруг таких школ? Не подлежит ни малейшему сомнению огромное значение джадитских школ в деле подготовки революции.

Это совершенно неоспоримо.

Так вокруг новометодных школ и тайных кружков медленно накапливались и организовывались силы прогрессивной оппозиции. Эти силы еще были невелики: подлинные широкие массы почти еще не были затронуты джадитской пропагандой, но штаб джадитизма, его головка складывалась и оформлялась в этой работе.

Медленно, с большим трудом, благодаря своеобразию окружающих условий, но все же рос и креп партийный аппарат младо-бухарцев.

Это была кропотливая, тягостная, малозаметная работа и борьба.

Жестокое преследование власти, отсутствие мощной поддержки со стороны какого-либо класса, сильнейший гнет организации духовенства, давивший, как стопудовая гиря, — все это препятствовало младо-бухарскому движению извне.

Некультурность, зараженность религиозными предрассудками, феодально-патриархальный уклад семейной жизни, деловые заботы службы и торговли, вообще заботы о личном благосостоянии у самих младо-бухарцев ослабляли и разлагали движение изнутри.

Партия, как организационное целое, как управляющий аппарат, была слишком слаба, чтобы дисциплинировать своих членов.

Особенно бросается это в глаза теперь, когда сравниваешь неустойчивую младо-бухарскую организацию с монолитной фалангой В.К.П.

И все же за все это время (1910 — 1917 г.г.) в однообразной повседневной работе складывалась в Бухаре партия, могущая возглавить национальную революцию.

Февральская революция окрылила младо-бухарское движение, открыв перед ним широчайшие перспективы народовластия. Когда младо-бухарцы увидели во главе своего могучего северного соседа — России — не царскую камарилью, а казавшееся тогда очень либеральным временное правительство, они решили начать действовать активно и добиться у эмира при помощи новой русской власти так давно и страстно ожидаемой и желаемой конституции и европейской системы образования.

Однако партия была еще не готова к массовой революционной работе: февральская революция в России застала ее врасплох.

Удалось лишь наладить тесную связь с некоторыми весьма важными провинциальными центрами: Керками, Чарджуем и Шахризйабсом.

С 1917 года партия усиленно вербует новых членов и расширяется за счет трудящихся и культурного слоя горожан.

Для руководства этой новой более активной работой партии переизбирается и расширяется Центральный Комитет.

В новый Центральный Комитет вошли: Абдул-Вахит Бурханов (председатель), Фитрат (секретарь), Усман-Ходжаев (казначей) и члены: Мухитдин Рафат, Муса Саиджанов, Ата-Ходжаев.

Центральный Комитет, чтобы иметь возможность быстро и тайно расширять организацию, предохраняя ее от провокаторов эмира, создал систему «дюжин». Каждый член Центрального Комитета имел под своим руководством 12 человек, каждый из этой «дюжины» организовывал новую «дюжину» и т. д. Этой мерой достигалась столь важная при нелегальной работе тайная крепкая спаянность.

Этим путем партия значительно расширилась. Подобных организаций в одной Бухаре создавалось до 50.

Вместе с тем перед партией появились новые задачи.

Революция в России, замена царского правительства правительством либеральной буржуазии совершенно изменили обстановку, в которой действовала младо-бухарская партия: появилась возможность требовать реформ, опираясь на русское правительство.

Можно было бы ожидать, что Россия, уничтожившая у себя самодержавие, реформирует и деспотический строй эмирской Бухары—своего вассала.

Однако верное своей классовой природе новое русское правительство, слишком занятое своими внутренними делами и бессильное коренным образом реформировать аппарат управления, первое время не обратило внимания на эмирскую Бухару. Оно не только не обратилось к эмиру с призывом реформировать его средневековый режим, но даже оставило в неприкосновенности в Бухаре прежний царский дипломатический аппарат.

Русский царский резидент Миллер и его ответственные сотрудники, всей душою преданные старому режиму, остались на своих местах.

Как мы увидим дальше, это обстоятельство сильно затруднило развитие младо-бухарского движения, так как русское резидентство на деле занимало чрезвычайно двусмысленную, если не сказать больше, позицию.

Как бы там ни было, февральская революция открыла перед младо-бухарской партией новые перспективы и новые пути работы, в надежде на сотрудничество со сбросившей цепи деспотизма Россией.

Эти пути младо-бухарская партия, конечно, постаралась использовать.

На специальном совещании активных младо-бухарцев (я на этом совещании не присутствовал) был выработан текст телеграфного обращения к временному правительству и Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, в котором младо-бухарцы поздравляли освобожденный русский народ в лице его правительства, указывали на историческую связь русского и бухарского народов и просили временное правительство оказать давление на эмира в смысле побуждения его к реформам.

Ответ не замедлил притти: русский резидент Миллер и эмир получили из Петербурга телеграмму с пожеланием скорейших реформ и с указанием, что при новом строе в России не может и не должно существовать близкого и соседнего бесправного народа.

Но реформ не последовало.

После долгих ожиданий центральный комитет младо-бухарской партии отправил в Петербург новую телеграмму с просьбой воздействовать на эмира.

Эту телеграмму составил я, и за подписями Фитрата и Саиджанова она была отправлена в Самарканд для передачи оттуда по телеграфу в Петербург.

Эта подача телеграммы через Самарканд была нужна потому, что телеграммы, отправляемые из Бухары, прочитывались русским резидентством, а так как дружеские отношения с эмиром русского резидента Мил-

лера, старого реакционера. были слишком хорошо известны, то существовала уверенность, что эмир будет тотчас же осведомлен о тексте телеграммы.

Не довольствуясь только письменными сношениями с Петербургом, младо-бухарская партия решила отправить туда делегацию с целью информировать временное правительство о положении Бухары, а также всюду, где возможно, агитировать за дело джадитизма среди российских мусульман.

Делегация в составе Фитрата и Усман Ходжаева выехала в Петербург, но доехала только до Оренбурга, так как там получила известие о выезде в Бухару для урегулирования спора между прогрессистами и эмиром русской комиссии. Младо-бухарская делегация предпочла быть на месте.

Из всего сказанного ясно, какое огромное значение придавала младо-бухарская партия помощи извне, из революционной России.

Без этой помощи, при самостоятельной работе, нужны были бы долгие и долгие годы напряженной ежедневной подготовки, чтобы провести в Бухаре хотя бы частичные административно-правовые реформы и реформировать дело народного просвещения, не говоря уже о свержении эмира, что и тогда ставилось, как очередная задача.

В это время Миллер, несмотря на все свое нежелание, все же принужден был делать вид, что осуществляет директивы, данные ему из Петербурга; он стал ежедневно бывать у эмира, иногда по целым дням оставался в Бухаре, где вел переговоры с различными слоями населения, стараясь узнать отношение народа к джадитизму и подсчитать силы прогрессивной и реакционной партий.

Наконец, он пригласил на частное совещание некоторых видных старых джадитов: Усман-Ходжаева, Абдул-Вахит-Бурханова и других. Их все хорошо знали, как джадитов.

Миллер на аудиенции спросил их, каковы требования джадитов? Чем бы они могли быть удовлетворены?

Абдул-Вахит и другие, очень осторожно и каждый персонально, избегая из конспиративных соображений говорить от имени партии, изложили точку зрения джадитов.

Требования младо-бухарцев, поскольку они остались у меня в памяти, сводились к следующему:

1) народное представительство, центральное при эмире и местное при беках, улучшение администрации и контроль народных представителей над нею;

2) отмена налогов, кроме установленных законами шариата;

3) свобода преподавания и печати и, наконец,

4) смена некоторых наиболее фанатичных и реакционных сановников эмира.

Миллер ответил, что требования джадитов он считает слишком большими и утопическими, ибо реальной силы у джадитов нет, они малочисленны и принудить эмира к уступкам все равно не сумеют. Между прочим, Миллер показал собравшимся большую книжку, в которой была записана масса имен членов партии.

Откровенность реакционера сразу открыла нам глаза: Миллер не мог иметь этих сведений без измены внутри партии.

Несмотря на все наше старание, эта измена обнаружена не была.

Все же наши усилия и директивы русского правительства не остались совсем безрезультатны.

17-го марта был объявлен эмиром долгожданный манифест. Он оказался, однако, до смешного ничтожным по существу и не смог удовлетво-

рить младо-бухарскую партию; с другой стороны, и реакционеры были им раздражены и повели усиленную агитацию через духовенство против манифеста и отступников ислама, джадитов.

Несмотря на реакционную свою сущность, манифест этот—все же весьма ценный в истории освободительного движения Бухары документ.

Опубликование манифеста сопровождалось известным церемониалом, принятым в эмирской Бухаре. Я, благодаря моему сановному дяде — Латиф-Ходжаеву, попал на эту церемонию. Не лишнее будет здесь коротко описать ее. Во дворец к эмиру были приглашены все видные духовные лица вплоть до муфтиев и Шейх-уль-Ислама, все придворные, сановники и выборные от купечества до 15 человек. Всего набралось до 200 человек. Тут же присутствовали: русский резидент Миллер, сочинитель манифеста, его помощник Шульга и чиновник резидентства — Введенский, некоторые члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов русского городка Кагана, представители Самаркандского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, и из прогрессистов: Махмуд-Ходжа и Исахаров — крупный коммерсант-еврей, и еще одно духовное лицо.

Эмир сидел посредине комнаты; сзади него находились главный судья Кази-Калян и администратор Шариф-Джан-Максум (назначенный вновь, как сторонник реформ, вместо реакционера Бурханитдина).

Шариф-Джан-Максум, по поручению эмира, прочел манифест, который присутствовавшие встретили одобрением.

Махмуд-Ходжа поздравил всех и эмира с реформой. Тут же были розданы присутствующим копии манифеста, после чего все разошлись.

На ряду с назначением Шариф-Джана-Максума были назначены также новые раисы ¹⁾ из сторонников прогрессистов.

В тот же день, часа в три, младо-бухарцы устроили в доме Ахмед-Наима собрание, чтобы обсудить создавшееся после манифеста новое положение. На этом собрании, кроме видных членов партии, присутствовала делегация от Самаркандского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Все были рады событиям и рассматривали манифест эмира, как крупную победу, как первый шаг на пути к полному освобождению бухарского народа от векового бесправия.

Перед партией стал вопрос, чем ознаменовать эти исторические дни. Этот вопрос, в свою очередь, распадался на две части: как организовать торжество для придания ему народного характера и можно ли и нужно ли устраивать специальную революционную манифестацию в ознаменование эмирского манифеста.

По первому вопросу разногласий не было: все отмечали необходимость митингов, агитации, широкого распространения манифеста, с объяснением его значения.

По второму вопросу — нужна ли манифестация, мнения разошлись. В основе спора лежало глубокое и серьезное расхождение, которое все время скрыто существовало в младо-бухарской партии и сейчас только обнаружилось.

Еще за две недели до манифеста, когда в Бухаре были Фитрат и Усман-Ходжаев, ставился этот вопрос, и тогда он вызвал те же самые разногласия, которые проявились в данный момент в доме Ахмед-Наима.

В партии, несомненно, существовало два течения. Одно было за постепенный, медленный реформизм, без всяких революционных, тем более кровавых, потрясений.

¹⁾ Рансы—особые представители правительства в главных городах по линии духовной и торговой жизни населения.

Назовем сторонников этого течения русским дореволюционным термином: «мирнообновленцами», который им очень подходит. Именно к этой группе «мирнообновленцев» относились большинство старых джадитов и сам председатель Центрального Комитета — Абдул-Вахит-Бурханов.

В вопросе о манифестации они были противниками ее устройства. Они указывали, что революционная манифестация раздражит реакционеров, сплотит их вокруг эмира и может вызвать даже кровопролитие, поскольку мы выставим на ней действительные требования партии без прикрытия. Надо заниматься не манифестациями, а укреплением себя, своей партии. Само время заставит эмира сохранить силу манифеста и поможет даже расширить его. Такого мнения держались Абдул-Вахит-Бурханов, Мухитдин-Рафаат и Муса-Сейджанов в Центральном Комитете и вне его — Аини и Ахмеджан-Максум.

Другое течение, активное и революционное, не боявшееся даже вооруженного восстания, было за манифестацию. Необходимость и желательность манифестации доказывалась следующим образом. Ссоры с эмиром нам все равно не избежать, какими бы овечками мы ни прикидывались: эмир знает и помнит своих врагов. Под предлогом борьбы с разрушением религии джадитами он натравит на нас при помощи духовенства темные и фанатичные массы. К услугам эмира многотысячная организация духовенства, армия, деньги и государственный аппарат. Стоит ему захотеть, — а он, вероятно, захочет, — и он переловит нас всех поодиночке. Таким образом, нам выбирать не приходится: столкновение с эмиром неизбежно. Своею же пассивностью мы охладим собственных сторонников, вызвав среди них безразличное отношение к делу джадитизма.

Если же мы устроим манифестацию, то даже в случае неудачного исхода мы добьемся следующих, весьма ценных результатов: мы испытаем и подсчитаем свои силы, проведем широкую агитацию в массах, впервые открыто выбросив им свои лозунги; в случае контр-манифестации и побоища, от нас само собой отпадут все провокаторские и вообще ненадежные элементы партии, и партия очистится и укрепится.

Манифестация, говорили ее сторонники, вызовет к жизни энергию членов партии. Каждый должен будет выступить, как революционер, в открытой борьбе.

Это не то, что вести между делом, службой или торговлей повседневную агитационную работу. В открытой революционной борьбе придется рискнуть благосостоянием и пренебречь семейными традициями.

Все левое крыло младо-бухарцев было за манифестацию. Особенно горячими ее сторонниками были Фитрат, Усман-Ходжаев и я.

В виду того, что мнения по поводу манифестации в доме Ахмед-Наима разделились почти поровну и ни одно решительно не возобладало, решено было посоветоваться по этому вопросу с русским резидентом Миллером, запросив его мнение. К Миллеру была направлена делегация в составе Махмуд-Ходжа, Бах-Мулла-Ханова и Мирза-Гуляма (переводчик русского резидентства).

Миллер кратко ответил делегатам, что он не советует манифестировать.

Мне стоило большого труда уговорить товарищей известить по районам членов партии о месте сбора и порядке шествия. Все дело было сделано: сбор назначен к восьми часам утра около магазина Шаркат-Баракат, под куполом пассажа. Утром следующего дня, явившись в назначенное время в магазин Шаркат-Баракат, обычное место явки главарей и активных работников младо-бухарской партии, я застал там около 150 человек и среди них покойного Физмитдина Максума и Абдул-Вахит-Бурханова.

Эти двое, противники манифестации, под клятвою спросили меня, правда ли, что Миллер согласился на манифестацию. Я дал уклончивый ответ.

Они оставили меня в покое.

Тем временем все прибывающие и прибывающие члены партии стали требовать начать шествие. Главарям ничего не оставалось делать, как согласиться.

Шествие началось между 8 и 9 часами утра.

В нем принимали деятельное участие национальные меньшинства: персы, евреи, лезгины, которым манифест эмира даровал равноправие.

Вот это-то присутствие национальных меньшинств в манифестации особенно раздражало правоверных — фанатичных сторонников ислама. Они никак не могли примириться с мыслью, что какой-нибудь еврей равен правоверному мусульманину.

Вначале в шествии принимало участие около 1.000 человек, но по дороге к нам примыкали все новые и новые толпы сочувствующих, и скоро количество манифестантов дошло до 5 тысяч человек.

Над толпой реяли красные знамена с надписями на узбекском и еврейском языках. Обычный лозунг был такой: «Да здравствует свобода, конституция, свобода печати и независимая школа». Был даже, не помню какой группой, выставлен и такой лозунг: «Да здравствует эмир-освободитель».

Манифестанты прошли по главному ситцевому базару через Коммерческую улицу, дошли до Гаукушана, и тут несколько человек младо-бухарцев и толпа кинулись к дому К а з и - К а л я н а, прося его приветствовать манифестацию, а манифестация все увеличивалась и увеличивалась и шла дальше по направлению Хиябана.

На самом Хиябане манифестацию встретили представители шиитов (персы) с цветами и сладостями.

Здесь был большой митинг.

Затем манифестация двинулась к Регистану. Тут к нам подошло несколько товарищей, которые сообщили, что организована контр-манифестация черносотенцев: на Регистане собралась крайне возбужденная черносотенная толпа в 7—8 тысяч человек, организованная муллами. Кроме того, там находятся пешие и конные отряды эмирской армии (пеший в 200 человек, а конный в 300), цель прибытия которых неизвестна. Есть опасность, что войска будут двинуты против нас.

Наша манифестация остановилась, и видные представители партии, обсудив создавшееся положение, решили добровольно разойтись по домам, ибо никто, конечно, не думал о вооруженной схватке.

Решение разойтись объявил толпе А б д у л - В а х и т, и манифестанты с некоторой тревогой разошлись.

Во избежание неприятностей, для того, чтобы предупредить министерство Кушбеги о мирном характере манифестации, были посланы к Кушбеги А т а - Х о д ж а е в М и р б а б а и Ю с у ф - З а д е (А б д у р а и м - М у д а р и с).

Однако мирные намерения младо-бухарцев не помогли им. Эмир решил жестоко расправиться со своими неугомонными врагами. Вынужденный благодаря давлению русского правительства издать манифест, он знать не хотел ни о каких других уступках, ни даже о проведении в жизнь самого манифеста.

Наступившее тотчас же вслед за манифестацией торжество реакции и жестокие преследования младо-бухарцев открыли всем, кто еще сомневался, истинное лицо «эмира-освободителя».

В тот же день, день манифестации, пробравшиеся сквозь толпу к Кушбеги наши посланцы: А т а - Х о д ж е е в, М и р б а б а и Ю с у ф - З а д е, были арестованы в арке.

Пошли дальнейшие аресты. Эмирская полиция ловила видных джадитов — участников манифестации.

Всего было арестовано до 30 человек, в том числе Аини, Мирза-Насрулла, Мирза Сахбабей и другие. Арестованных эмир, по восточному обычаю, приказал бить палками. Мирбаба и Аини дали по 75 палок, а Мирза-Насрулла — 150 по голой спине. Необходимо было в этот ответственный момент предупредить об опасности остальных членов партии и собрать где-либо ее распыленные силы. Сделать это в Старой Бухаре не было никакой возможности, ибо многочисленные фанатики все равно помогли бы эмиру переловить джадитов. Оставалась Каган — Новая Бухара — городок с русским населением — местопребывание русского резидента. Абдул-Вахит послал своих людей в Каган, чтобы узнать, можем ли мы рассчитывать там на приют и безопасность. Мне лично пришлось выехать в Новую Бухару, не дожидаясь ответа.

Дело было так: когда манифестация разошлась по домам, я тоже пошел домой, туда же пришли делегация от евреев и Мирахмед-Мирнигматов.

Делегацию я успокоил, посоветовал евреям, на худой конец, отправить своих видных деятелей в Новую Бухару.

Сам я хотел остаться в Старой Бухаре, чтобы быть поближе к событиям и информировать о них товарищей.

Но мне это не удалось.

Час спустя ко мне пришел Зевин, управляющий бухарским отделением Русско-Азиатского банка, один из самых прогрессивных людей тогдашнего русского буржуазного общества в Бухаре. Он просил меня немедленно скрыться, говоря, что эмирское правительство придает мне большое значение и намерено арестовать меня.

Я не считал это важным и уехать отказался.

Зевин ушел, обещая держать со мной связь по телефону. Я же тем временем послал двух своих людей в Регистан, чтобы выяснить настроение. Через полчаса последовал звонок от Зевина. Он сказал мне, что пробраться ко мне во второй раз не решается, но очень просит тотчас же притти к нему.

Переулками я пробрался в банк. Там были только Зевин и его помощник. Зевин объяснил мне, что им получены сведения о том, что на мой дом готовится нападение толпы и даже войск, т. к. толпа требует этого. Он настойчиво уговаривал меня скрыться. Я долго отказывался, но, наконец, все же согласился поехать в Новую Бухару.

Но легче было согласиться, чем выполнить: вокруг банка уже собралась толпа, узнав, что я здесь.

Все же я вышел из банка в сопровождении одного знакомого лезгина, Обида, оба вооруженные маузерами, и через еврейский квартал прошел к себе. Посланные мною в Регистан люди возвратились и сообщили то же, что и Зевин.

Я решил скрыться. Вызвал знакомого биржевого извозчика, Ахмеда, человека безусловно мне преданного: он воспитывался у нас, моей матерью, с детства, а затем служил у меня.

Я пробрался по существующему до сих пор подземному ходу, который ведет из моего дома к еврейскому кварталу, где ждал меня Ахмед.

В сопровождении трех вооруженных моих всадников я через еврейский квартал и ворота Силлахона выехал из Старой Бухары. На вокзале нас хотели задержать, но мы успели убежать. Я добрался до квартиры Зевина, и вместе с ним и его помощником мы благополучно прибыли в Новую Бухару.

Туда же пробрались и другие младо-бухарцы.

Нужно было где-нибудь собраться, чтобы решить, что делать. Единственным подходящим местом для этого был клуб российских мусульман.

Многие из членов этого клуба, рабочие и ремесленники, состояли в русских революционных партиях: социал-революционеров и социал-демократов, и мы всегда могли рассчитывать на их сочувствие и поддержку.

Мы не ошиблись в своих расчетах: благодаря активной помощи русского пролетариата, в лице левой социалистической части Каганского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, нам удалось собрать наши разбитые реакцией силы и начать новую борьбу за освобождение бухарского народа.

Все, кто боролись в наших рядах с деспотической властью тирана, никогда не забудут этого.

Лишь только нам удалось собраться, перед нами встал вопрос, как помочь арестованным товарищам.

Мы решили вести работу в двух направлениях:

1) повести агитацию в самой Старой Бухаре и организовать там, по возможности, демонстрацию протеста;

2) агитировать среди русских рабочих и вообще русского населения и призвать на помощь туркестанские краевые революционные организации и солдат.

Работа закипела.

Много сделали, в осуществление вышеприведенных постановлений партии, Бурханов и я—в Бухаре. Фитрат, Усман-Ходжаев и Абдусайдов—в Ташкенте.

Громадную помощь принесло нам выступление Керкинской организации во главе с Кары-Юлдаш-Пулатовым¹⁾.

К этому времени присоединился к нам один из вождей младо-бухарской правой—Мирза-Мухитдин-Мансуров, еще ранее бежавший из Бухары.

У него были особые мотивы бегства—личная его конкуренция, известная всему населению, с главой старо-бухарского купечества, очень близким к эмиру человеком, Караванбаши-Азизовым.

Эта коммерческая конкуренция превратилась в политическую борьбу. и Мухитдин-Мансурову пришлось бежать, ибо он опасался мести своего конкурента-реакционера.

Таким образом, к Каганским беглецам младо-бухарцам присоединился еще Мухитдин-Мансуров с тремя сыновьями.

Наш призыв к русским революционерам, к русским революционным рабочим в Ташкенте не остался без ответа.

Из Самарканда, по распоряжению Ташкентского Краевого Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, прибыл в Бухару эшелон войск во главе с членами Совета Рабочих и Солдатских Депутатов: с.-р. Черновым и еще одним солдатом, прекрасным оратором, кажется с.-д., фамилию которого, к сожалению, не помню.

В Новой Бухаре при большом стечении рабочих и солдат открылось заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов совместно с вождями младо-бухарской партии. На этом собрании из младо-бухарцев выступил я, а из сочувствующих нашему делу мусульман, не-членов младо-бухарской партии.—Бекбердиев и Ариф-Каримов.

На этом же собрании было опубликовано перехваченное младо-бухарцами письмо первого секретаря русского резидентства Шульги к бухарскому Кази-Калян у.

Шульга в этом письме предупреждал эмирское правительство, что движение младо-бухарцев распространяется, охватывая все более широкие слои населения; Шульга советовал эмиру беспощадно расправиться с младо-бухарцами, обещая энергично содействовать Кази-Калян у, верным помощником которого будет он—Шульга.

¹⁾ Кары-Юлдаш-Пулатов — один из создателей Керкинского младо-бухарского движения.

Письмо вызвало огромное впечатление: революционные рабочие и солдаты вместе с младо-бухарцами громко требовали ареста Ш у л ь г и. В русском резидентстве увидели они тайных изменников и предателей революции.

Буржуазия, в лице кадетов Г а л ь п е р и н а и Р а б и н о в и ч а, защищала Ш у л ь г у.

Наконец, первая победа была одержана: Ш у л ь г е объявили домашний арест.

Эмирское правительство, видя, что нашлась управа и на русских черносотенцев, почувствовало силу русских революционных организаций, поняло, каких могучих союзников приобрели младо-бухарцы в русских революционерах, и, поняв это, повело политику уступок.

Немедленно были освобождены А т т а Х о д ж а е в, Ю с у ф - З а д е и многие другие, и в сопровождении русской делегации и бухарских чиновников были отправлены до станции Старая Бухара, где их встретили товарищи и много народу. Вместе с А т т а Х о д ж а е в ы м и Ю с у ф - З а д е также выдали избитых: А и н и, М и р б а б а и М и р з а - Н а с р у л л а. Последний был очень тяжело болен—у него начинался гнойный процесс легких. У избитого А и н и также были повреждены легкие. Всех освобожденных из под ареста доставили в Новую Бухару, а больных поместили в больницу.

На следующий день М и р з а - Н а с р у л л а умер. Перед смертью он сделал политическое завещание.

Он писал, что любит народ и, умирая, надеется, что народ освободится от гнета и рабства. Страшная смерть от руки палача не страшна ему; наоборот, он рад ей, ибо уверен, что своею смертью он помогает освобождению и приближает его час.

Похороны М и р з а - Н а с р у л л а были грандиозными. Несмотря на все угрозы и запрещения, прибыла масса народу. В похоронах приняли участие все революционные организации: младо-бухарцы, русские рабочие и воинские части—все, что было живого в Новой и Старой Бухаре.

Когда все дела, связанные с похоронами и освобождением арестованных товарищей, были кончены, группа правых членов младо-бухарской партии созвала общее собрание с целью реорганизации партийных верхов.

Инициаторами этой реорганизации были Б у р х а н о в, Ф а з м и т д и н М а к с у м и М у х и т д и н Р а ф а а т. Воспользовавшись печальными событиями, последовавшими за манифестацией, они—наши «мирнообновленцы»—повели решительное наступление против левого крыла партии, обвиняя нас во всех случившихся бедах.

На собрание пригласили семейство М у х и т д и н о в ы х. Сыновья пришли, но сам Мухитдин Мансур и его сын Абдул-Кадыр притти отказались.

Собрание открылось вступительным словом Б у р х а н о в а.

После краткого доклада о последних событиях он заявил, что перед партией стоят большие задачи: надо вести переговоры с эмирским правительством и резидентом России, и поэтому надо создать авторитетный, способный выполнить эти задачи центральный комитет партии, тем более, что видные члены старого центрального комитета, как Ф и т р а т и У с м а н Х о д ж а е в, отсутствуют.

На роль руководителя партии Б у р х а н о в предложил М у х и т д и н а М а н с у р о в а, указав, что Мухитдин Мансуров—умный, достойный человек и пользуется большим авторитетом среди русских. Действительно, М а н с у р о в имел большие личные связи с русской буржуазией и был вхож в русское резидентство.

Момент для атаки на старый центральный комитет был избран удачно, и Б у р х а н о в у удалось провести реорганизацию.

В новый центральный комитет вошли: Мухитдин Мансур—председатель и лидер, Абдул-Кадыр Мухитдинов, Мухитдин Рафаат,

Абдул-Вахит Бурханов, Усман Ходжаев, Ариф Каримов, Мирза Исам Бухитдинов, Муса Саиджанов, я и еще два—три человека, фамилии которых не помню и которые после первых заседаний не работали и были исключены. Позднее в центральный комитет вошли еще двое: Фитрат и Ата Ходжаев, члены старого центрального комитета, но суть реорганизации заключалась, конечно, в выборе Мухитдина Мансурова председателем и лидером и во включении его сыновей в состав центрального комитета.

Таким образом, наши правые «мирнообновленцы» и постепеновцы, революционеры, боящиеся революции, победили.

Можно было бы, конечно, протестовать, так как формально эти выборы были незаконны: в избирательном собрании участвовали далеко не все младо-бухарские партийные организации и, кроме того, многие наличные члены были против нового состава центрального комитета, но ни мне, ни другим вождям левого крыла не хотелось начинать внутривнутрипартийную борьбу. Положение было очень запутанным: партии в целом грозили преследования эмира, я сам все еще жил нелегально в Новой Бухаре, то в одном доме, то в другом (долго я скрывался на заводе Левина и в квартире агента Российского страхового о-ва Мухамедова)—и, конечно, в такой момент вызвать раскол в партии значило бы губить все наше дело.

Пришлось временно уступить руководство партией ее правому крылу.

Первое заседание нового центрального комитета состоялось в номере у Мансурова. Вслед затем мы почти ежедневно собирались у него и обсуждали волнующие партию вопросы.

На этих заседаниях предлагались два пути дальнейшей работы:

1) добиваться у эмира через русское правительство амнистии, прекращения преследований и спокойной легальной работы;

2) на ряду с использованием легальных давлений на эмирское правительство готовить вооруженное восстание через тайное вооружение партии и организацию партизанских выступлений в вилайетах.

Второе предложение исходило от меня и выражало мнение левого крыла партии. Что касается Мансурова, то он с самого начала заявил себя противником каких бы то ни было вооруженных выступлений и насильственных мер. Он соглашался только на первый путь — путь легальности, уговоров эмира и сановников при помощи русского резидентства.

Большинство нового центрального комитета, отнюдь не страдая избытком революционной энергии, с удовольствием поддержало Мансурова.

Вооруженные выступления были отвергнуты, путь уговоров принят, и в подкрепление уговариванию властей решено было отправить в провинцию агитаторские тройки, которые организовывали бы митинги, разъясняли бы населению причины последних событий, знакомили бы население с платформой партии, требовали бы немедленного проведения в жизнь начал, объявленных в эмирском манифесте. Из этой затеи ничего не вышло: агитаторских групп не создалось, кроме одной, состоявшей из Фаткулы-Ходжа и Юсуф-Заде, отправившихся в Чарджуй.

Вся работа партии сосредоточилась на переговорах с эмиром и русским правительством. Во главе всех мероприятий по переговорам стоял сам Мансуров.

После долгих единоличных совещаний с Миллером Мансуров совершенно неожиданно объявил нам о необходимости начать переговоры с эмиром при посредничестве Миллера.

Я высказал по этому поводу некоторые свои опасения, но их никто не хотел слушать, и на этом же заседании была выбрана комиссия для ведения переговоров. В нее вошли: Мухитдин Мансуров, Абдул Кадыр, Мухитдинов, Исам Мухитдинов, Муса Саиджанов, Абдул Вахит Бурханов, Ата Ходжаев, Ходжа Абдул Сатария.

Словесная директива центрального комитета была следующая: «добиться соглашения с эмиром на основе неприкосновенности легальной работы партии в духе манифеста эмира». При помощи такой умеренности многие надеялись обеспечить за партией возможность хотя какой-нибудь легальной работы. Предварительно Мансурову, Бурханову и мне предложили переговорить с Миллером.

Мы поехали. Миллер нас принял, переговоры вел Мансуров. Миллер сказал, что он не ручается за успех, но постарается помочь нам, и что, конечно, переговоры с эмиром единственный путь, так как других средств воздействия нет.

Итак, согласовав этот вопрос с Миллером, на другой день мы отправились к эмиру. К нам присоединились Миллер, Введенский и несколько членов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. От прибывших из Самарканда воинских частей никого не было. Они остались на вокзале Ст. Бухары, и не нашлось никого, кто бы позаботился договориться с ними. Утром в пятницу мы сели на пассажирский поезд и отправились на вокзал Ст. Бухары. Там нас встретило несколько чиновников с экипажами эмира. Нас всех посадили попарно, дав каждой паре в сопровождение чиновника. Я очутился рядом с Мансуровым. Нас всех повезли по базару как раз тогда, когда правоверные выходили из многочисленных мечетей, а в самом Регистане нас ждало до 5.000 человек реакционеров.

Во время проезда из толпы нас осыпали бранью и камнями. Все это не сулило впереди ничего хорошего.

Наконец, нас привезли в посольский отдел Кушбеги, где обычно премьер-министр принимает гостей. Ждать нам пришлось недолго: часа через 2 нас всех пригласили в тронный зал эмира. Мы все попарно, в сопровождении русских властей, отправились туда, не спросив даже, зачем нас ведут.

В зале мы застали всю правящую Бухару: блестящие ряды сановников и главарей мулл.

При нашем появлении поднялся шум и крики — нас осыпали ругательствами. Поместили нас позади эмира, вместе с русскими. Первое слово было предоставлено Мансурову.

Он начал примерно так: «Мы — любящие родину и существующий строй граждане Бухары, и хотя мы критиковали некоторые недостатки манифеста его высочества, не совпадавшие с нашими целями, но сейчас мы протягиваем к вам руки, высокие люди государства. Да осуществится воля эмира».

Едва Мансуров начал говорить, как все повскакали в мест, начали махать палками, ругать нас изменниками, предателями, неверными, а кое-кого и бить.

В это время эмир поднялся с места, обратился к Мансурову и сановникам и сказал: «И вы, и вы — мои подданные, между вами недоразумение, все это пройдет, успокойтесь. Как было, так и будет». С этими словами он быстро вышел. Мы услышали рев и гул многотысячной толпы у самых стен дворца, требовавшей выдачи делегации на суд и растерзание народа. Только тогда делегация поняла цель эмира и Миллера, этих двух друзей; однако мы не были выданы толпе: нас продержали некоторое время в коридоре, а затем, под шум и крики оттесненной толпы, провели на прежнее место.

Там мы сидели весь день, слушая крики возбужденной толпы, требовавшей нашей выдачи.

Тут предательская роль представителей русского временного правительства обнаружилась вполне. Миллер и Введенский из всех сил старались казаться честными маклерами в затеянной ими совместно с эмиром

нечестной игре. Они то приходили к нам, то уходили к эмиру, выходили и к толпе, якобы затем, чтобы ее успокоить, а на деле вожденно ждали нашей крови, крови революционеров, ибо их аппетиты еще не были удовлетворены резней революционеров в Персии.

И вот тут-то отчетливо наметился тот союз, который впоследствии освободил Бухару и вывел ее на широкую дорогу советского строительства, — союз национально-революционных элементов Востока с русскими рабочими и крестьянами, сбросившими иго царизма.

Буржуазные болтуны и предатели, Миллер и Введенский, скрывавшие под маской внешнего либерализма свою реакционную сущность, хотели нас выдать на растерзание толпе, но нашлась сила, которая этого не допустила.

Это были революционные русские войска и рабочие Новой Бухары. Они не дали осуществиться адскому плану эмира и его русских приспешников. Первыми явились к нам на помощь рабочие Новой Бухары, с которыми младо-бухарская партия держала теснейшую связь, а затем революционные войска, расположенные в Новой Бухаре и на вокзале Старой Бухары.

Мы, делегаты, за все время своего пребывания во дворце ничего не знали о том, что у нас нашлись защитники, и ждали смерти от руки палача или от готовой к самосуду толпы.

Вдруг случилось неожиданное: нас посетили Насрулла Кушбеги и Урганджи. Оба в один голос об'явили, что эмир сожалеет обо всем случившемся и негодует на фанатичность народа, который окружил дворец в количестве до 10.000 чел. и вот уже 12 часов требует казни делегации или выдачи ему. Однако этого не будет, так как эмир желает кончить все миром. Затем Урганджи добавил, что к утру нас можно будет отпустить.

Очевидно, посещение рабочих и революционных солдат возымело свое действие на высокую особу эмира и его сановников. Урганджи сказал еще, что члены совета Новой Бухары очень устали и должны уехать. Мы энергично запротестовали против от'езда единственных наших надежных защитников, и они, конечно, согласились остаться с нами.

Миллер, увидя энергичную защиту делегации со стороны членов совета и просто рабочих, струсил, стал хлопотать о нашем освобождении и пытался вести безуспешные переговоры по телефону с войсками.

